

ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ

ДЕДОВЫ СТУПЕНЦЫ

Елизавета Дворецкая
Дедовы ступенцы

«Автор»

2026

Дворецкая Е. А.

Дедовы ступенцы / Е. А. Дворецкая — «Автор», 2026

Агнея лишилась родителей, и теперь её единственный друг – бывший ученик её отца-знахаря, человек странный, приходящий только ночью, тайком от людей. Крестная уговаривает ее выйти замуж за Ивашку, внука знаменитой в селе плачеи, Минаиды. Страшно оказаться во власти давней соперницы ее матери, но со старухой Минаидой Агнее тягаться не по плечу. Впереди Масленица – пора весёлая и жуткая, когда горят соломенные чучела, унося все отжившее. Но дух былого лета не прочь прихватить с собой побольше. Катаясь с горы на прятке, Агнея внезапно покидает привычный мир и оказывается там, где легко сгинуть. Здесь непросто выжить и найти дорогу домой, но кто услышит её крик о помощи?

© Дворецкая Е. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Елизавета Дворецкая

Дедовы ступенцы

Тук-тук... Стучат за оконцем... Негромко, осторожно.

Спала Агня плохо и проснулась легко. Две недели назад, на Григория Летоуказателя¹, похоронили ее отца – отвезли на кладбище при церкви Михаила Архангела на другом конце села, положили в ту же могилу, куда за несколько дней до того опустили гроб его жены Соломиды. Для Плечеевской волости эта зима выдалась тяжелой: по всей округе ходил мор, в каждом селе молодые и старые умирали десятками. Говорили, что сам князь плечеевский, Глеб Романович, одолеваем хворью, выживет ли? Казалось, рушится весь белый свет, заполоненный злыднями-лихорадками. В семье знахаря Ильяна Даниловича было только три человека, никакой родни в Милове не осталось, и вся тяжесть горя и забот упала на одну Агню. Помогали ее крестные – тетка Келерина и ее муж, дядя Келесий, и их дети, крестные сестры и братья Агнии. Без них она и вовсе не управилась бы с уходом за больными и с похоронами, а ведь хозяйство и скотина тоже сами о себе не позаботятся. Не раз она думала, что лучше бы бог и ее прибрал заодно с родителями – лучше уж всем разу уйти, если такая недоля, чем одной оставаться.

Но, страдая душой, телом Агня оставалась здоровой. Причитать и плакать теперь уже нельзя – иначе потревоженные умершие будут на том свете ходить в мокрой одежде, – и Агня сдерживалась. Благо было уже то, что за возней по хозяйству ей было почти некогда горевать. Но, когда покидали силы, а одиночество наваливалось каменной горой, накрывало холодной волной, которой не видать конца и края, слезы снова жгли воспаленные глаза, и она прикусывала губу, чтобы не дать им пролиться на щеки, как талая вода из переполненных озер.

Днем при каждом стуке, при каждом шуме Агня по привычке ждала, что увидит кого-то из своих: отец поднимется на крыльцо с охапкой дров, мать войдет с ведром молока... Мужской или женский голос на улице за воротами вызывал в памяти голоса родителей, которые Агня напрасно все ожидала различить возле себя. Ночью было особенно тяжело: непривычное одиночество в пустой, темной, тихой избе, где на конике² и на печи постелены постели для родителей, куда они никогда уже не лягут, было еще острее.

И вот этот стук... Агня села, от сердцебиения содрогалось все тело. Померещилось? Она вслушалась: в избе и снаружи было тихо.

Тук-тук... Опять. Это не у двери, это за оконцем. Агня сглотнула, пронизанная страхом, прикусила губу. Мысли метались, внутри все дрожало. Мало ли какое зло крадется посреди зимней ночи к одинокой сироте? Злыдни-лихорадки пришли за ней, все двенадцать сестер. Дочь знаменитой знахарки, Агня знала все о лихорадках: их многочисленные имена, повадки, средства изгнания. Вот только от родителей их отогнать не удалось – судьбы божии никаким «сильным словом» не переменишь.

Но что, если это... они? Родители? Еще не прошло сорок дней, души умерших еще не покинули землю, они витают где-то рядом, заглядывают в покинутый дом. Еще лежат для них на краю стола два блина и две чарки воды, незажженная свеча, за оконцем висит полотенце. Пришли утираться? Души покойных почти никогда не увидишь глазами, но они могут сказать о себе звуком – скрипом, стуком, вздохом...

– М-матушка... – почти без голоса – перехватило горло, – прошептала Агня. – Батя... Это вы?

Стук повторился – настойчивее. Тот, кто стоял там, снаружи на снегу, хотел быть услышанным. И звук был слишком плотным для бесплотных пальцев.

¹ Григорий Летоуказатель – 23 января.

² Коник – рундук с поднимающейся крышкой, мог служить местом хранения или входом в подполье, обычно располагался у печи и заодно служил спальным местом.

Агня перекрестилась и неслышно соскользнула с лавки. Подкралась к оконцу и прислушалась. Что разберешь через деревянную заслонку и бычий пузырь? Переговоров не слышно – видать, гость один.

Но вот раздался неясный голос. Агня еще перекрестилась и чуть сдвинула заслонку.

– Эй... Хозяева? – разобрала она. – Есть кто? Да будет мир в стенах твоих, благоденствие – в чертогах твоих!³

– Кто там? – вполголоса отозвалась Агня: она и хотела, чтобы ее услышали, и боялась этого.

– Да будут уши твои внемлющи гласу моления моего!

Ночной гость говорил негромко, да и пузырь приглушал звуки, оттого Агня плохо разобрала последние слова и подумала, что ослышалась. Какая-то нечисть ночная ее дразнит?

– Что? Что надобно? Наше место свято!

– Дядька Ильян дома?

– Нет, – с трудом выдавила Агня; опять перехватило горло от ужасной необходимости говорить о своем горе вслух. – Нет его.

Одновременно удивилась: откуда явился этот гость, если не знает о смерти Ильяна? В Милове все знают, да и по окрестным селам и деревням слух прошел. Ильян и Соломонида были в волости людьми известными: оба «знатки»⁴, а Соломонида особенно славилась как повитуха: ни одна роженица и ни одно дите у нее не умирали. Миловский поп, старый отец Памфил, говорил, что это ей от бога дано за благочестивую жизнь, а вот молодой ненаглядновский поп, отец Маресий, наоборот, недолюбливал ее и твердил, что у нее, поди, с нечистым уговор заключен: жизни сохраняет, а души губит. И в самом Милове иные недобрые люди те же злые речи повторяли.

– Что тебе нужно? – посмелее крикнула Агня. – Если у вас хворает кто, то мы помочь больше не можем, к другим знаткам ступай.

– Дядька Ильян нужен! – ответил ей тот же голос: похоже, он не разобрал ее слов.

– Нет его, говорю же! – Голос Агней сорвался.

Она отбежала от оконца и прижала пальцы к глазам, стараясь загнать слезы обратно.

Несколько мгновений было тихо, и она подумала, что гость все понял и ушел, но тут стук раздался снова. Агня, не оборачиваясь, помотала головой. Снаружи доносился голос: гость спрашивал еще о чем-то. Но Агня, не имея желания с ним разговаривать, ушла и села на свою лавку. Поймет же он, что не выйдет к нему Ильян Данилович, чья лежанка на конике⁵ застелена, но пуста и всегда будет пуста, и уберется. Что толку по снегу топтаться под закрытым оконцем?

Тишина вновь водворилась в избе, но сон не вернулся. Агня сидела в темноте, глядя на слабое мерцание лампадки перед иконой Параскевы на стене, даже не думая снова лечь. Гость ушел... но ее не оставляло чувство, что она не одна.

Когда снова раздался стук – уже не под оконцем, а в дверь, – она не удивилась. В самом этом звуке было тихое, ненавязчивое упорство. Стучавший не был разочарован первой неудачей и терпеливо добивался ответа.

Агня подошла в чулках в двери, сняла с крючка овчинный кожух и закуталась в него. Вышла в сени и прислушалась. Новый стук был слышен совсем ясно. Из-за этого она еще острее чувствовала свое одиночество: молодая девушка-сирота, осаждаемая неведомым лихом из ночи. Кругом большое село, в каждой избе люди, но они спят и не слышат.

– Кто там? – опять окликнула она.

³ Здесь и далее книжные речи – цитаты из Псалтири.

⁴ Знаток, множ. знатки – название знахарей, ведунов.

⁵ Коник, рундук с поднимающийся крышкой, мог служить местом хранения или входом в подпол, а также спальным местом.

– Мне нужен дядька Ильян. Ильян Данилович.
– Нету его, говорю же тебе.
– Где он?
– На кладбище. Михайло-Архангельском, у храма.
– Когда воротится?
– Да никогда! – Этот нелепый разговор уже почти смешил Агнею. – Не возвращаются из могилы... добрые люди. Только дурные по ночам под дверями шастают, упыри... вроде тебя.
– Я не упырь, – ответил ей глухой голос – без обиды, без возмущения. Просто – не упырь.
– А кто же ты, такой настырный...
Повисло молчание. Потом из-за двери донеслось:
– Ермолай я.
– Какой еще Ермолай? Откуда?
– Из... с заимки Еразмовой. Дядька Ильян меня учил.
– Ахти мнеченько...⁶
Агня чуть не села и уцепилась за стену. До нее дошло, с кем она все это время разговаривала.

Ермолай! С Еразмовой заимки!

Это имя было Агнее знакомо, хотя его обладателя она никогда не видела. И никто в Милове, кроме ее отца, не видел. В глухом лесу, верстах в десяти от Милова, обитал старец Еразм, инок-пустынник; как давно он там завелся, никто не мог сказать. Старец жил совсем один, с людьми почти не общался, лишь иногда, встречая ловцов, через них выменивал туес меда, шкурку-другую на то, чего в лесу не добудешь: с десятков локтей холста, мешок муки, мешочек соли. Несколько лет назад один ловец из Родимовки, проходя через Милово, передал Ильяну просьбу от Еразма: зайти к нему. Ильян со старцем был вовсе не знаком и удивился: чего тому от него надобно? Захворал, может, и молитвы не помогают? Ловец, Баженко, сказал, нет, на вид здоровый был, а какое-то у него к тебе, сказал, дело. Где ж его искать? Баженко объяснил: иди по желановской тропе, потом с нее на ненаглядовскую, пройдешь версты две, а там тебя у высокого пня встретят. Старец так обещал.

Понимая, что подвигнуть на это приглашение старца могло только какое-то особенное дело, Ильян отправился на другой же день. Тропы к ближайшим селам он знал хорошо и легко нашел высокий пен. Рядом никого не было. Оно и понятно: не зная, чем занят знаток, Баженко не мог обещать Еразму, что тот явится завтра. На всякий случай Ильян покричал. Хотел подождать немного: может, старец-то близко и услышит. Только присел – как обнаружил, что из кустов на него смотрит внимательными желтыми глазами волк.

Знатки – люди неробкие, робкому возле темного света⁷ делать нечего, съедят его, да и все. Поднявшись на ноги, Ильян показал волку свой крепкий длинный посох: уж я тебя. Стояло лето, и вид волка-одиночки никакой тревоги не внушал. Здоровый волк на человека не нападет, разве что уж совсем лютая голодная зима будет.

Волк вышел из куста и остановился в десяти шагах. Покивал головой.

– Ну, здравствуй! – сказал Ильян, чувствуя в звере что-то необычное.

Волк отбежал немного, обернулся и мотнул головой: мол, иди за мной.

– За тобой?

Ильяна вдруг осенило: да волк и может быть тем провожатым, которого старец прислал! Баженко рассказывал: тот зверям лесным Писание читает! Может, волки ему и служат. Про иных святых сказывают такое...

⁶ Ахти мнеченько! – эмоциональное восклицание.

⁷ Темный свет – противоположность белого света, мир мертвых в широком смысле.

Ильян пошел за волком. Тот вел его через чащу, порой оглядывался и проверял, не отстал ли человек, не потерялся ли. Так они шли напрямик до озера, обогнули его, напали на узкую, едва видную тропку. Тут уже Ильян примечал присутствие человека: валежник был выбран, виднелись пни от сухостоя, не обломанного ветром, а срубленного топором. На опушке паслась дойная коза. Тропка привел на полянку, шириной шагов десять, а там под высокой старой елью пряталась избушка. Трубы на крыше Ильян не приметил: знать, топят по-черному. Дверь была открыта, на пороге сидел небольшого роста седой старик в потертой ряске и скуфейке, когда-то черной, а теперь выцветшей до блекло-серого.

Волк побежал прямо к старцу, ткнулся носом в плечо, тот коснулся его головы. Волк юркнул мимо него в дверь, а Ильян застыл в удивлении. Псов-то дворовых в дом не пускают, а тут волк заходит, как к себе в логово!

– Бог помочь, старче!

– Помогай бог и тебе! – ответил старец негромким, но твердым голосом. – Ты – Ильян-знаток?

– Он самый. Звал ты меня?

– Звал. – Старец поднялся и пошел навстречу. – В избу полезем или здесь потолкуем?

Не успел Ильян ответить, как в проеме низкой двери показался еще один человек. Согнувшись, наружу вышел парень лет пятнадцати или шестнадцати – довольно рослый, крепкий, с длинными неряшливо висящими темно-русыми волосами. Порты и рубаха грубого полотна, лыковый пояс. Ноги босые, ворот расстегнут. На гостя он взглянул застенчиво и даже боязливо – что странно смотрелось у обладателя таких широких плеч и крупных кулаков. Ильян поймал его взгляд – и замер.

Пробрала дрожь. Этот взгляд изжелта-серых глаз он видел вот только что – когда шел сюда, следуя за удивительно умным волком... Но оборотень! Обертыш, перевертыш, как таких называют в деревнях, в жилище святого старца-инока!

Ильянова догадка оказалась верна. Сидя на завалинке, старец Еразм рассказал ему все без утайки. Много лет назад пара волков принесла ему человеческого младенца, который ночью оборачивался волчонком. Откуда он взялся, где нашли, – этого звери рассказать не могли, но Еразм, понаблюдав за тем, как волчица кормит волчонка, решил, что он такой у них родился и эта пара – его отец и мать. Еразм окрестил младенца, и было думал, что помогло. Но выяснилось, что помогло лишь частично: теперь младенец становился волчонком не каждую ночь, а только в три ночи полнолуния. Еразм вырастил его, но никакие молитвы не помогали сделать Ермолая простым человеком, избавить от способности перекидываться. А рос отрок вдвое быстрее обычных, и старец понимал: скоро он войдет в полную силу, и не будет на него управы. Иной раз встречая в лесу ловцов, Еразм расспрашивал, какие есть поблизости знатки, и ему указали Ильяна. Теперь Еразм хотел знать: нет ли какой ворожбы, чтобы избавить крестника от волчьей крови? Если можно из людей делать оборотней, то ведь можно и наоборот?

Ильян даже было растерялся: с таким делом к нему не приходили. Если простого человека чарами в зверя обернуть, то можно обернуть и назад. Но прирожденного оборотня так же нельзя сделать простым человеком, как человеку нельзя стать прирожденным оборотнем.

– Что же мне с ним делать? – спросил старец. – Он уже вон какой вырос здоровенный. Помру я – куда денется? Волком станет жить, по-другому не сумеет. К зверям уйдет, волчицу себе найдет в подруги, какой мать его была, и бога совсем позабудет. Не хочу, чтобы душа погибла, будет мне грех. Говорил Давид: что есть человек и что есть сын человеческий? Не много ты умалил его пред ангелами, славою и честью увенчал его; поставил его владыкой над делами рук твоих, все положил под ноги его: овец и волов всех, а также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских...⁸ Такой дар получив, грех великий его потерять.

⁸ Из псалма 8.

– Но ты же, старче, за свою душу не боишься, а сам нарочно от людей ушел подальше.

– Я ушел от мира и всех грехов мирских, но жизни человеческой и слову божью меня люди научили. А он – от рождения, статочно, зверь. Я с ним всякий день Писание читаю, тем в образе человеческом его держу. Не станет меня, он без людской помощи в людях не удержится. Помоги ему с волчьей сутью его управиться. Он по своей воле оборачиваться может, а не оборачиваться – не может, полонь⁹ управляет им. Боюсь, в одиночку одичает, от тоски много крови прольет. Не найдет себе среди людей ближников, так уйдет туда, где его ближники готовые дожидаются. Серые и хвостатые.

Об этой удивительной встрече Ильян хоть и не сразу, но рассказал жене, Соломониде. Агня тогда была еще почти девочкой, и лишь за следующую пару лет постепенно выведала, куда отец уходит каждое полнолуние, унося кое-что из домашних гостинцев и принося взамен лесные. Ильян учил Ермолая управлять волчьей сущностью, а заодно тем искусствам, для которых оборотень от рождения обладал почти безграничной силой. Но в село тот не показывался, и никто, кроме Еразма и Ильяна, его в глаза не видел.

И вот он здесь, стоит за дверью: волк в человеческом облики. Лесной ученик Ильяна пришел искать учителя, а того уже нет в живых. Нельзя побежать куда-нибудь в хлев или на огород с криком: батя, к тебе пришел выученик твой! Нужно как-то самой с ним объясняться. Но как? Сам темный свет стоит, отделенный от Агнии бревенчатой стеной, и перегородка эта сейчас казалась ей не толще березового листка. А за спиной – никого, только остывшие блины и две чарки с водой для покойных. Да лампадка перед ликом Параскевы.

Затаив дыхание, Агня прислушивалась, молясь и надеясь, чтобы он ушел. Только этой беды ей не хватало!

Опять стучит. Осторожный, но упорный – истинный зверь. Надо как-то объяснить ему, что Ильяна больше не будет, незачем сюда ходить. Сейчас третья ночь полнолуния. В это время Ильян всегда приходил на заимку. В этот раз не пришел. Надо объяснить, в чем дело, иначе на следующее полнолуние человек-волк придет опять... Но не кричать же о смерти родителей через дверь, чтобы еще и соседи слышали, что к сироте кто-то ходит по ночам!

– Подожди! – крикнула Агня и ушла назад в избу.

Выбила огонь, зажгла лучину. Вернулась в сени и откинула засов. Отворила дверь. Тимофеевский мороз¹⁰ со двора живо схватил ее в объятия, но ночного гостя она не увидела – лишь тень отшатнулась и скрылась во тьме.

– Куда ты? – вполголоса крикнула Агня. Она думала, что испугается его, но он испугался больше, и это подбодрило ее, позволило почувствовать себя сильной. – Иди сюда!

Гость крадучись выступил из тьмы, и Агня содрогнулась – словно перед нею ожила лесная тень. Рослый, крепкий. Одет в непокрытый кожух из медвежьей шкуры, такую же шапку, на лице неряшливая щетина. Не человек, а леший, и не поймешь, молод или стар. А страшнее всего глаза. Огонек зеленым отразился в них, и Агня содрогнулась: взгляд был волчий. Не злой, но внимательный, настороженный, оценивающий тебя сразу и как угрозу, и как добычу. Облик ночного гостя пугал самой своей чуждостью, дикостью; затряслись поджилки, и Агня с трудом принудила себя остаться на месте, не отпрыгнуть назад в избу, захлопнув дверь.

– Ты... Ермолай... – с трудом выдавила она, и боясь назвать его по имени, и смутно чувствуя, что имя дает на нем некую власть

Хотелось спросить: «Ты не съешь меня?», но этот вполне разумный вопрос казался глупым. Однако холодно было стоять на пороге в кожухе прямо на рубаху. Гость рассматривал ее, в его широко раскрытых глазах отражалось изумление, и благодаря этому стало видно, что он тех же лет, что и Агня, а только дикий облик его старит.

⁹ Полонь – полнолуние.

¹⁰ Похолодание в начале февраля, Тимофеев день – 4 февраля.

– Зайди, – велела Агнея.

Парень помотал головой – чисто собачьим движением.

– Мне дядька Ильян... – хрипло сказал он.

– Его нет. Он умер. Уже недели две. Схоронили.

В его глазах что-то изменилось. Это было не горе, но понимание: Ильяна и правда больше не будет.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Агнея одной рукой держала лучину, другой придерживала козух возле горла.

– А ты кто? – несмело спросил он. – Соломонида?

– Нет. – Агнея почти засмеялась: как он мог принять ее за мать? – Матушка тоже умерла, еще раньше его. Я дочка их. Агнея. А ты ступай к своему старцу и не ходи сюда больше. Придется вам другого наставника искать.

Ермолай еще какое-то время смотрел на нее, потом подался назад и не прощаясь исчез во тьме.

Лучина погасла, и Агнея торопливо затворила дверь. Заперла на засов, заперла и вторую дверь, в саму избу, улеглась, накрылась и одеялом, и козухом, но долго еще лежала, сжавшись в комок, и не могла заснуть. Перед глазами у нее стояло молодое человеческое лицо со звериными глазами, в которых отражается и разум, и чувство, и даже душа, но только говорящая на каком-то ином языке. Агнея и думала, что он ушел, и чувствовала его присутствие, словно он стоял возле самой лавки. И впрямь – оборотень. Его было как-то больше, чем обычных людей, он мог быть там, где его и нет. В нем от рождения две души: с одной ушел, другую здесь оставил. Понаблюдать. И всю ночь эта вторая его душа, незримая сама, не сводила глаз с Агней.

После сороковин по родителям тетка Келерина, крестная, сообщила Агнее важную новость.

– Говорила я вчера с Минаидой, – сказала она, пока они вдвоем прибирали в избе. – Уломал ее Трофим. После Великого поста будут свататься. Трофим-то давно хотел, да Минаида, знаешь... Все ревновала к твоей матери, родниться не захотела бы.

Агнея молча кивнула. Крестная и раньше ей намекала, что Трофим не прочь посватать Агнею за младшего своего, Ивашку, но тому противилась его старая мать. Минаида тоже издавна знахарничала, но ее затмила вошедшая в силу с возрастом Соломонида. От больных и рожениц присылали за Соломонидой, а Минаиде остались покойники – обмывать, одевать, причитать. Она славилась как плачущая, но такую умелицу всякий хочет видеть у себя дома пореже, и при встрече с ней люди тайком сплевывали и стучали костяшками пальцев друг об друга, отгоняя лихо.

И Минаида, упорная, как сама смерть, дождалась своего часа – однажды ее позвали обмывать и обрядить соперницу. Минаида учила Агнею причитать по матери, сама выкликала, мол, на кого ж ты оставила дочку, ясную звездочку, перечисляла несчастья, которые теперь подстерегают сироту... Плачущая она была искусная: ее пронзительный голос взламывал душу, выпуская наружу реки слез. Не только сирота, но и мужики с бабами на похоронах рыдали навзрыд, смывая горе. Сегодня, на сороковины, Минаида пришла снова: одетая в одежду Соломониды, она явилась как бы с кладбища, вдвоем с дедом Еникеем, обмывавшим Ильяна. Агнея и семья крестных падали им в ноги, прощались, а потом пара «родителей» удалилась, унося по котомочке, в которых был уложен припас на дальнюю дорогу: хлеб, полотенце, ложка, огниво...

Будь Соломонида жива, Минаида не позволила бы внуку и думать о женитьбе на Агнее. Но теперь, когда Агнея осталась одна на всем хозяйстве, она стала завидной невестой. Ей самой больше нравился Демешка – рослый, темноволосый парень, сын соседа. Она ему тоже нрави-

лась, но он еще раньше ей как-то сказал: посватался бы охотно, но мать говорит, и думать не моги, Агнейка после Соломонида будет бабить¹¹, а ты ее дома не увидишь ни днем при солнце, ни ночью при месяце. Идти против воли матери Демешка, как человек основательный, конечно, не мог, и Агня молча согласилась на Ивашку. Худощавый, белобрысый, тот не отличался разговорчивостью, не озоровал, как другие парни, на посиделках молчал, явно стеснялся, когда задорные девки принимались его задевать и тормошить, но Агнее всегда улыбался. Муж из него выйдет покладистый...

– Что скажешь? – строго спросила Келерина, будто заранее отсекая возможность несогласия.

– Ивашка так Ивашка, – вздохнула Агня. – Парень он вроде не вредный.

– Работящий, почтительный, – подхватила Келерина. – Любит тебя. И сын младший – к тебе перейдет жить, будешь у себя в родном доме хозяйка. А без свекрови, без золовок-коловонок жить – это, я тебе скажу, лучшего счастья баба и пожелать не может. Уж сколько из меня Акимовна старая крови выпила, пока ее бесы за ноги не уволокли! Миножка, само собой, будет всяк день к тебе таскаться и во всякую щель нос свой длинный совать. Она уж намекала, рожу такую построила умильную, – Келерина заговорила дребезжащим елейным голосом, – мол, бог велел любить врагов своих, и коли Соломонидушку бог прибрал, я ее доченьке стану заместо матери... Врагов нашла, клюшка старая! – добавила она своим голосом. – Сама всю жизнь Соломушке завидовала, а теперь отыграется на сироте... – Келерина осеклась. – Ты тоже не теряйся, сирота! Тебя мать ведь чему-нибудь обучила?

Агня только вздохнула. Мать многому научила ее – свойствам трав, «сильным словам», разным оберегам. Но чтобы применять эти знания, нужно дожить хотя бы до тридцати лет. Да и не находила в себе Агня особых сил – тех, что помимо знания, тех, что позволяют делать дело одной своей волей, даже без трав и слов. Бывают и такие люди – вот, дед Власий, мать рассказывала, свистом тучи дождевые созывал или разгонял, будто псов своих...

Горечь заливала душу при мысли, что вместо матери ей теперь будет старая Минайда. Но жить одной нельзя – ей и со скотиной не управиться, а кто будет хлеб растить? Хозяйство без мужика прахом пойдет, не хватало еще под оконцами побираться, родителей позорить... Придется идти за Ивашку, ничего не поделаешь.

Келерина ушла к себе, Агня стала готовиться ко сну. Со стола после поминок не убрали, чтобы души покойных в последний раз угостились перед окончательным уходом. Чудно было ложиться спать близ неубранного стола, и оттого Агня не могла отделаться от чувства, что и родители, и все гости-соседи еще здесь... и даже, пожалуй, все те незнакомые ей деды, которые сейчас принимают в свой круг отца и мать.

За минувшее время Агня привыкла к тому, что осталась одна, что мать и отец отделены от нее непроходимой чертой. Но теперь уже недолго ей быть одной. Вот-вот Масленица, потом Великий пост, а потом уже с Красной горки можно играть свадьбу. Наверное, Трофим не станет ждать до осени, поспешит сделать младшего сына хозяином в хорошем доме – побоится, что невесту перехватят. Агня, хоть и похудела за эту зиму, была собой очень недурна: белокожая, румяная, пухленькая, с пшеничной толстой косой. Слава родителей-знахарей заставляла сватов ее обходить: с такой снохой мало какая свекровь будет жить спокойно. Мало ли ему ее мать научила? Что не по ней – дивись потом, с чего вдруг ноги отнялись. Но сможет ли она хоть попытаться укротить Минаиду? «Ой, нет!» – сама себе сказала Агня. Куда ей в этих делах против Минаиды! Только попробуй – сама тебя со свету сживет, и моргнуть не успеешь. Прямо на свадьбе в свинью превратит...

В дверь постучали. Агня встала и пошла отворять, не задумавшись: видать, крестная чего забыла...

¹¹ Словом «бабить» обозначался весь процесс помощи при родах и первоначальный уход за младенцем.

В избе еще горели лучины. Отворив дверь на крыльцо, Агня поначалу ничего не увидела, только холодом повеяло в лицо, и тут ей вдруг просунул в душу мягкую лапку испуг: да кому тут быть, почти полночь, все в селе спят...

– Кто здесь? – позвала она, готовая захлопнуть дверь.

– Это я, – ответил из темноты глухой голос, ничуть не похожий на голос Келерины.

Агня узнала его еще раньше, чем он назвался:

– Ермолай.

– Лезь в избу! – велела она и отошла от двери: чуяла, что этот гость не хочет сближаться.

Думая об опасностях родства с Минаидой, Агня испытала даже облегчение, встретив кого-то, совсем не похожего на старуху. Отцов выученик тоже пришел на сороковины, только позже всех. Так ему и добираться – десять верст по зимнему лесу.

За прошедший месяц Агня много раз вспоминала Ермолая, но так и не решила, надо ли его бояться. О том, что он приходил, она не сказала ни единой душе: отец хранил тайну Еразмова выкормыша, а Агня, хоть и была в добрую пору девкой общительной и приветливой, привыкла не болтать лишнего о делах родителей.

На приглашение гость отозвался не сразу: из тишины и мрака отчетливо веяло настороженной нерешительностью.

– Заходи, холодно! – поторопила его Агня. – Ну что ты мнешься?

– Там ты... одна?

– Одна я.

– Тут было много людей.

– Само собой, много, сороковины же. Все село перебивало. Но теперь все уж по домам разошлись.

– Что такое... сороки вины? Сороки в чем провинились?

– Сороковины! – сквозь беспокойный смех пояснила Агня. – Сорок дней батюшке... Ну, поминали его... сорок дней, как преставился.

– Что?

– Да что же ты за болван такой мне навязался! Сорок дней назад, как батюшка умер!

– Мой старец тоже умер.

– О господи! Еразм умер! Да зайдешь ты или нет? Не бойся, я тебя не съем! – в отчаянии добавила Агня.

Из темноты послышалось хмыканье, а вслед за ним показался и сам Ермолай.

– Коли так... По множеству милости твоей, войду в дом твой, поклонюсь святому храму твоему.

Агня не поняла, при чем тут храм – не в церковь же его зовут, но уловила согласие и с облегчением отошла от двери подальше. Только когда она была уже в избе, гость осмелился просунуть голову в сени. Принюхался, огляделся, осторожно шагнул через порог.

– Закрой дверь! – крикнула она, отступая дальше. – Не студи избу!

Агня была уже возле печи, когда Ермолай вошел из сеней – так же настороженно, зорко оглядываясь и принюхиваясь.

– Никого нет, – заверила она. – Чего ты боишься?

Хотя понимала чего: едва ли он много бывал в чужих домах. Судя по тому, что слышал Ильян, Ермолай ни разу в жизни не выбирался из леса к людям. Для него войти сюда – подвиг, как ей, Агнее, ступить на темный свет.

Наконец Ермолай вошел, затворил за собой дверь и застыл возле нее. Дальше Агня его и не приглашала: понимала, что не пойдет.

Взгляд Ермолая остановился на столе, где еще стояли блюда с блинами, кашей и киселем.

– Еще кто-то придет?

Уши у него дрогнули, словно ловя звуки шагов.

– Только сами родители.

– Ты же сказала, они умерли? – Взгляд Ермолая стал жестким, словно он заподозрил ловушку.

– С дороги заглянут. Как кто умрет, три дня душа в своем доме остается, до девяти дней – во дворе, до сорока – в белом свете, только незримо. Батюшке нынче был сороковой день. В последний раз он с белым светом прощается, уходит в дороженьку безвозвратную. Вот. – Агния взяла со стола большую глиняную миску, сняла с нее полотенце и осторожно приблизилась к Ермолаю. – Угощайся, помяни батюшку.

Ермолай с удивлением уставился на пироги в миске. Принюхался. Кончик носа у него немного дергался. Черты его лица Агния плохо видела в полутьме, глаза в глубоких глазницах казались налиты мраком. Агнью пробрала дрожь: не то чтобы от страха, но от самого ощущения, что рядом с ней, рукой достать, стоит... не совсем человек. Да еще к тому же молодой парень, ее ровесник, кровь играет в каждой жилке. Агния не могла бы сказать, как именно чувствует его нечеловеческую природу, но ощущение было таким же ясным, как свет или звук. Он явился с той самой грани... в эти самые дни... Это не могло быть случайностью, но как истолковать его появление? Не унесет ли этот волк и ее за грань темного света? Туда, куда ушли родные, а она задержалась...

Никогда раньше Агния не встречала настоящих оборотней, но слышала о них немало. Оборотни бывают трех родов. Первые – невольные, это обычные люди, которых чужая злая воля обернула зверями. Вторые – выученные: это колдуны, которые нарочно обучаются перемене личины. Третьи – прирожденные. Мало известно, отчего такие получаются, видно, по грехам родителей или из-за нарушения заветов. Первые почти совсем безвредны и сами жаждут снова стать людьми. Вторые – опасны, они ведь обзаводятся звериными зубами как раз для того, чтобы кусать. О третьих известно мало. Перед Агнией стоял оборотень как раз третьего рода, и она не знала, чего от него ждать. Но ведь Ильян встречался с ним несколько лет и опасным не считал. Но то было на заимке Еразма, а при своем наставнике Ермолай уж наверное был смирным.

Постой, ведь он сейчас сказал, что Еразм умер?

– Что это? – Ермолай кивнул на миску пирогов, но по голосу было слышно, что заинтересовался. – На вид вроде камни, а пахнет хорошо. Съедобно.

– Какие камни, ты что? С чего я тебя камнями угощать буду? Это поминальные пироги по батюшке и матушке моим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.